

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Наталья Юрьевна СУЧИЛИНА¹

Наталья Петровна МАТВЕЕВА²

УДК 903'27

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗМЕИ В МЕЛКОЙ ПЛАСТИКЕ ЭНЕОЛИТА ЗАУРАЛЬЯ

¹ инженер II-й категории
научно-исследовательской
лаборатории археологии и этнографии,
Институт социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет
n.y.suchilina@utmn.ru

² доктор исторических наук,
профессор кафедры археологии,
истории Древнего мира и Средних веков,
заведующая научно-исследовательской
лабораторией археологии и этнографии,
Институт социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет
nataliamatveeva1703@yandex.ru

Аннотация

Настоящая работа посвящена змеиному образу в мелкой пластике Зауралья, рассматриваемому в контексте зооморфной скульптуры энеолита. В рамках статьи вводится новый источник — глиняное грузило с изображением головы змеи, обнаруженное во время раскопок на памятнике Гилево-2 в Заводоуковском районе Тюменской области в 2017 г.

Цитирование: Сучилина Н. Ю. Изображение змеи в мелкой пластике энеолита Зауралья / Н. Ю. Сучилина, Н. П. Матвеева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 1. С. 137-147.
DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-137-147

Для символической трактовки образа используются данные из этнографических исследований и древнего финского эпоса, приводятся сведения об аналогичных артефактах из Средней Азии, севера Западной Сибири, Прибалтики и Финляндии.

Авторы статьи предлагают связывать культовое восприятие змеи с носителями андреевской культуры, о чем свидетельствуют присутствующие на территории обнаружения скульптур остатки соответствующей керамики и глиняные сигаровидные грузила. Выдвигается идея о применении змеинообразного образа в промысловой магии, связанной с рыбной ловлей.

Ключевые слова

Археология, мелкая пластика, мобильное искусство, энеолит, скульптура, зооморфная пластика, образ змеи, мифология Зауралья, андреевская культура.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-137-147

Понятие мелкой пластики как одного из видов изобразительного искусства стало использоваться исследователями с 1920-х гг. Изначально оно применялось для обозначения скульптуры малых форм Древнего Египта, хранящихся в коллекциях Берлинского музея. В качестве синонима данному понятию часто выступает термин «мобильное искусство». Артефакт, относимый к категории мелкой пластики, обладает специфическими чертами: малый размер, сопоставимый с площадью ладони, возможность свободного перемещения в пространстве [10, с. 118].

Зооморфная глиняная пластика неолита и энеолита Урала и Западной Сибири обратила на себя внимание исследователей еще в последней четверти прошлого века. Как отмечала В. И. Мошинская, рост интереса к данному типу древнего искусства связан с развитием систематических научных раскопок и более внимательным отношением к находкам, ведь зачастую археологи имеют дело с сильно фрагментированным материалом, который, на первый взгляд, не кажется достойным полноценного анализа [12, с. 32]. Но и сейчас при наличии значительного количества опубликованных предметов мелкой пластики каменного века керамическая скульптура является относительной редкостью.

На данный момент существует ряд публикаций, связанных с анализом сосудов с зооморфными налестками. Подобные артефакты можно назвать особым подвидом глиняной пластики, они встречаются чаще отдельных скульптур, вокруг их происхождения и назначения сформировалась историографическая дискуссия. В. И. Мошинская предполагала, что зооморфные налестки могли служить для защиты содержимого сосуда от внешнего воздействия или, напротив, охранять человека от того, что находится внутри. Она выдвигала и более практическое предположение: налестки создавались для обозначения пищи, хранящейся в данной посуде, для того чтобы избежать использования одной утвари для рыбы и мяса [12, с. 32]. Точку зрения об охранительной функции налестков поддержал Ю. Б. Сериков [16, с. 45]. В. Т. Ковалева и В. А. Арефьев видели в зооморфных изображениях тотемных предков и предполагали исполь-

зование данной посуды в коллективных ритуалах [8, с. 115]. С. Н. Панина также делала вывод о культовом предназначении сосудов, исходя из отсутствия на их поверхности нагара, свойственного керамике, использовавшейся для приготовления пищи. В своей статье по интересующей нас тематике исследовательница предложила не рассматривать налесты на сосудах исключительно в качестве зооморфных и выдвинула гипотезу о том, что по соотношению глаз и носа на некоторых рельефных изображениях можно выявить их антропоморфное наполнение [14, с. 141-114]. Попытка подобной типологизации сосудов уже проводилась совместно Л. В. Носковой и А. Ф. Шориным, но в своем исследовании авторы разошлись во мнении относительно наличия антропоморфных образов в керамике с налестами [13, с. 22-27]. Как мы видим, иконография рельефных изображений на сосудах настолько лишена детализации, что сложности возникают уже на уровне определения изображаемого существа.

Важное место в рамках изучения артефактов с зооморфной составляющей занимает представленная в 2010 г. к защите диссертация А. В. Морозова «Мелкая пластика неолита-энеолита на территории Сибири». В своей работе автор собрал обширную визуальную базу по материалам, значительно разрозненным в географическом плане. Несмотря на то что змеиные образы в древнем искусстве А. В. Морозов выделил в отдельный пункт, он отметил их редкость в контексте каменного века. На всей территории Сибири было обнаружено лишь две скульптурки пресмыкающегося: в «Пункте VIII» Андреевского озера и на Горбуновском торфянике. При этом второе изделие выполнено из дерева. На основе двух находок А. В. Морозов выделил иконографические особенности изображения змеи в искусстве неолита-энеолита: удлиненное туловище без признаков конечностей, приплюснутая снизу голова высокой степени проработки, глаза в виде ямок [11, с. 105].

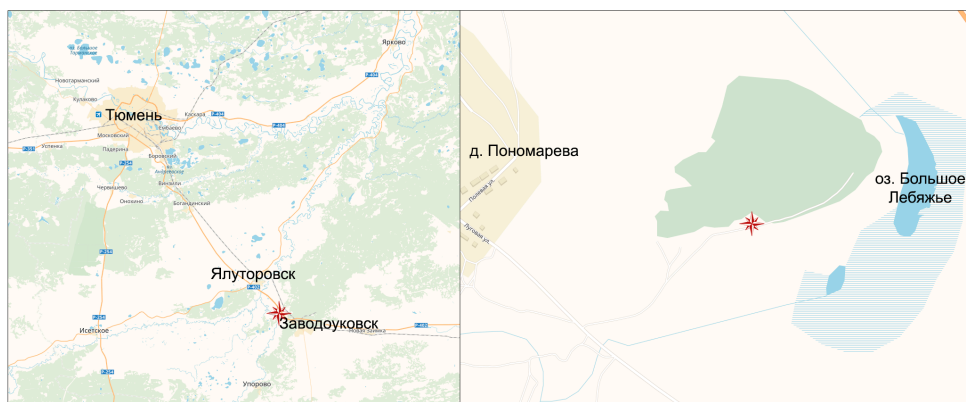

Рис. 1. Месторасположение энеолитического поселения с указанием точки обнаружения грузила с зооморфным изображением

Fig. 1. Location of the Eneolithic settlement, marking the place of finding the weight with the zoomorphic image

Рис. 2. Фотография глиняного грузила из Гилево-2

Fig. 2. Photo of the clay weight from Gilyovo-2

Одна из таких выявлена в ходе раскопок 2017 г., проведенных Н. П. Матвеевой на курганном могильнике Гилево-2, расположенном на правом берегу р. Тобол в Заводоуковской районе Тюменской области около д. Пономарева (рис. 1). Памятник находится рядом с кустом поселений неолита-энеолита, на которых проводились раскопки Л. А. Дрябиной в 1982 г. и С. Ю. Пархимович в 1983 г. [1, с. 50-51]. При вскрытии насыпи кургана № 6 на глубине 126 см был обнаружен фрагмент грузила с налетом на торце в виде головки змеи (рис. 2). Помимо нее был еще ряд предметов, относимых к периоду энеолита: четыре фрагмента неорнаментированных сигаровидных грузил, скопления керамики андреевского типа (рис. 3). Находки в насыпях трех курганов являются остат-

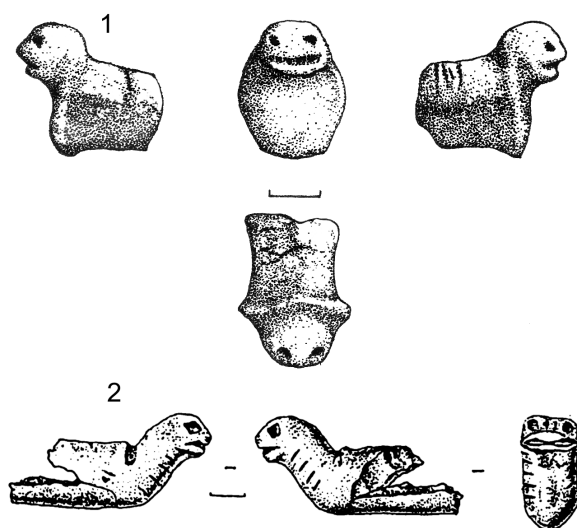

Рис. 3. Изображения змеи в мелкой глиняной пластике.

1 — фигурка змеи из Гилево-2: левый профиль, фронтальный вид, правый профиль, вид сверху;
2 — фигурка змеи из поселения «VIII пункт» на Андреевском озере (рис. И. В. Усачевой)

Fig. 3. Images of snakes in the small clay sculptures.

1 — figure of a snake from Gilyovo-2 (left profile, front view, right profile, top view);
2 — figure of the snake from the Andreevsky lake (Fig. by I. V. Usacheva)

ками кратковременного рыболовецкого поселения на берегу оз. Большого Лебязьего. Склеить грузило с фигуркой с другими фрагментами сигаровидных грузил не удалось в силу ярко выраженной разницы в размерах изделий, но о принадлежности находки именно к данному типу артефактов говорит «шляпковидное» утолщение в том месте, где головка животного стыкуется с телом.

Найденная фигурка обладает следующими внешними параметрами: длина — 26 мм, высота — 24 мм, максимальный диаметр — 17 мм. Голова приплюснута и поднимается над телом грузила на 5 мм, ее ширина составляет 14 мм, что равняется самой узкой части грузила. Глаза змеи показаны ямками, расстояние между ними составляет 4 мм, переносица плоская. Рот расположен в нижней части мордочки, он выполнен в виде прямой вдавленной линии, внутри которой можно увидеть слабо выраженные равноудаленные друг от друга ямки, что наводит на мысль о применении гребенки. На спинке змеи видны тонкие поперечные линии трещин. Однозначно истолковать их как искусственные сложно, поскольку все они разной степени выраженности и длины, и можем допустить их естественное происхождение. Фигурка хорошо обожжена, ее цвет оранжевый (рис. 3-1).

При том что образ змеи в пластике западносибирского энеолита встречается крайне редко, на территории Притоболья на южном берегу оз. Андреевского в 1981 г. в заполнении одного из жилищ поселения «VIII пункт» была обнаружена практически идентичная фигурка (рис. 3-2). Однако форма ее тела показана более плавно изогнутой, и потому в публикациях данная находка не представлялась в качестве части грузила. Напротив, исследовательница воспринимала ее как самостоятельное произведение древнего искусства, имеющее исключительно религиозно-символическое значение [17, с. 105-134]. Но обратим внимание на то, что внешние ее параметры сходны с размерами гилевской фигурки: высота фигурки — 24 мм, диаметр — 14 мм [11, с. 103]. Большая длина изделия обусловлена лучшей сохранностью и в данном случае роли не играет. Способ изображения черт мордочки аналогична, также присутствуют насечки, но уже в нижней части тулова пресмыкающегося, и явно искусственного происхождения.

В силу разнокультурности материалов из заполнения котлована постройки находка с оз. Андреевского не была однозначно отнесена к конкретной археологической культуре, однако автором раскопок отмечалось, что в заполнении жилища, где была найдена фигурка, присутствовала керамика энеолита: сосновоостровского, липчинского и андреевского типов [4, с. 82]. Ареал последнего типа был значительно расширен в последние годы, и на данный момент есть материалы, подтверждающие присутствие памятников андреевской культуры на территории от г. Кургана на юге до долины Иртыша на севере и правобережья Тобола на востоке [5, с. 213]. Вопрос о происхождении данной культуры на данный момент является дискуссионным [15, с. 13-19], но датируется она III тыс. до н. э. [5, с. 259]. Исходя из этих данных, можно предположить, что обе описанные находки связаны с андреевской культурой. В пользу этого предпо-

ложения говорит и тот факт, что фигурка из Гилево-2 является частью неорнаментированного сигаровидного грузила, которое достаточно часто встречается на памятниках андреевской культуры и потому с наибольшей долей вероятности соотносится именно с ней. Е. Н. Волков, занимавшийся анализом материала по энеолитическим керамическим грузилам Тюменского Притоболья, отмечал слабую репрезентативность и ограниченность данного материала в регионе, но при этом именно соотношение сигаровидных грузил с андреевской культурой, по мнению исследователя, является наиболее вероятным, поскольку указанные изделия неизменно присутствуют на андреевских поселениях в виде скоплений [2, с. 10].

Стоит отметить, что глиняные фигурки змей, по форме аналогичные находке с оз. Андреевского, встречаются в Карелии, Прибалтике и Финляндии, но из этих регионов опубликовано только пять находок [7, с. 126-127]. Все они выполнены в виде скрученных в плоские спирали жгутов с одним приподнятым концом, изображающим голову. Мордочка сохранилась не во всех случаях. Цель их изготовления также не ясна, однако Е. А. Кашина предполагает, что они были частью скульптурных наборов из нескольких предметов, ни один из которых не сохранился в полном составе. Однако наблюдение, что на отдельных памятниках встречаются парные комплекты животных одного вида, наводит исследователя на мысль об изначальном существовании каждого зооморфного или антропоморфного изделия в двойном экземпляре [7, с. 131].

Вследствие того что змея как животное в различных своих видах встречается повсеместно, исключая регионы с преобладанием низких температур, ее образ широко распространился в мировой культуре и обрел множество символических смыслов. И. В. Усачева приписывает фигурке с оз. Андреевского ассоциативную связь с человеком, а точнее, с человеческой энергетикой. Отсутствие у змеи ужиных пятен и гадючьих узоров при прочей натуралистичности изображения наводит исследователя на мысль о том, что представленный экземпляр является изображением известного в культуре народов Сибири «огненного змея», сочетающего в себе животную и человеческую природу [17, с. 127-128].

А. В. Головнев в своей работе, посвященной традиционной культуре северных народов, на примере представлений селькупов демонстрирует многогранность и значимость змеинообразного образа. Так, «великими змеями» называют следы молний на деревьях, наделяемых магическими свойствами, змеи выползают из воды в грозу, чтобы уничтожить злых духов, шаманы используют предметы со змеиной символикой во время лечения болезней, поскольку животные, относимые в мифологических традициях к земноводным, воспринимаются в качестве проводников между двумя мирами. С одной стороны, они обитают в Нижнем мире, с другой — часто появляются среди людей [3, с. 524-525]. На примере селькупов также видна связь змей с небом, поскольку их форма зачастую ассоциируется с молниями.

В карело-финском эпосе «Калевала» змею называют «червяком Туонель» (загробного мира) и приписывают морское происхождение. При этом описание

появления змеи на свет снабжается негативно окрашенными деталями: подчеркивается злобная природа существа, ее связь с богом смерти, с рождения заложенное в ней дурное начало [6, с. 163-164]. Таким образом, мы видим почти противоположные представления об одном животном у разных народов.

На двойственность восприятия змеи обращали внимание еще П. М. Кожин и В. И. Сарияниди в своей работе, посвященной культовой символике в анауской культуре. Они соотносили змею с тотемическими верованиями, культом умерших, приписывали ее в качестве атрибута божествам, как правило, связанным с женским началом или водной стихией. Но отдельно был подчеркнута существующее противоречие в восприятии змеи: с одной стороны, она выступала как мудрый защитник и хранитель мира человека, Богиня Мать, несущая плодородие, с другой — змея символизировала хитрость, направленную на свершение злых деяний [9, с. 35-40]. Примечательно, что соотношение пресмыкающегося с силой, несущей плодородие, также подразумевает его одновременную связь с землей, из которой растут побеги, и небом, орошающим землю дождем.

В случае с фигуркой из Гилево-2 интерпретация змеи как обитателя подземного и подводного мира представляется наиболее логичной. В качестве представителя водной стихии змея вполне могла служить духовным помощником для рыбаков. Располагая змеиный образ на грузиле, человек, вероятно, использовал такую сеть в промысловой магии, предполагая, что она принесет ему большой улов или задобрит обитателей иного мира. Разумеется, трактовка змеи в искусстве может выходить далеко за пределы столь утилитарного представления, но в данном случае прямая функция грузила для сетей предмета диктует подобное понимание. С другой стороны, грузило, украшенное мордочкой животного, — уникальная вещь. И весьма спорно полагать, что оно использовалось в повседневной жизни, ведь в этом случае подобные находки встречались бы чаще. Так, к примеру, происходит с известными сосудами, украшенными зооморфными личинами, дискуссия о предназначении которых еще не потеряла актуальности. Потому более правомерно считать, что грузило из Гилево-2 хоть и выполняло свою прямую функцию, но делало это в рамках особого обряда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археологическое наследие Тюменской области / А. В. Матвеев, Н. П. Матвеева, А. Н. Панфилов, М. А. Буслова, В. А. Зах, В. А. Могильников. Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.
2. Волков Е. Н. Глиняные грузила Тюменского Притоболья (энеолит и бронзовый век) / Е. Н. Волков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 4-11.
3. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
4. Древности Андреевской озерной системы / В. А. Зах, И. В. Усачева, О. Ю. Зимина, С. Н. Скочина, И. Ю. Чикунова. Новосибирск: Наука, 2014. 225 с.

5. Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья / В. А. Зах. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
6. Калевала / пер. с фин. А. И. Бельский. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 286 с.
7. Кашина Е. А. Наборы лепных зооморфных скульптур в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии / Е. А. Кашина // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург, 2007. С. 125-135.
8. Ковалева В. Т. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями / В. Т. Ковалева, В. А. Арефьев // Вопросы археологии Урала. 1993. № 21. С. 107-119.
9. Кожин П. М. Змея в культовой символике анауских племен / П. М. Кожин, В. И. Сарияниди // История, археология и этнография Средней Азии. Москва: Наука, 1968. С. 35-40.
10. Митина М. Н. Мелкая пластика в контексте мировой художественной культуры: терминологические особенности и роль в искусстве и жизни человека / М. Н. Митина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11 (85). С. 118-121.
11. Морозов А. В. Мелкая пластика эпохи неолита-энеолита на территории Сибири: дисс. ... канд. ист. наук / А. В. Морозов. Кемерово, 2010. 334 с.
12. Мошинская В. И. Древнее искусство Урала и Западной Сибири / В. И. Мошинская. Москва: Наука, 1976. 132 с.
13. Носкова Л. В. Скульптурные зооморфные изображения на неолитических сосудах Кокшаровского холма / Л. В. Носкова, А. Ф. Шорин // Миф и символ в прошлом и настоящем. 2007. С. 22-27.
14. Панина С. Н. Рельефные и графические изображения личин под венчиками сосудов эпохи неолита Усть-вагильского холма / С. Н. Панина // Вопросы археологии Урала. № 26. С. 141-144.
15. Сарапулова Н. Г. К вопросу о происхождении андреевской культуры / Н. Г. Сарапулова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 5. С. 13-19.
16. Сериков Ю. Б. «Культ голов» в обрядовой практике древнего населения Урала / Ю. Б. Сериков // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2007. № 5. С. 38-51.
17. Усачева И. В. К истокам мировоззрения древних уральцев / И. В. Усачева // Уральский археологический сборник. С. 105-134.

Natalia Yu. SHUCHILINA¹

Natalia P. MATVEEVA²

SNAKE'S IMAGERY IN INDOOR SCULPTURE OF THE ENEOLITHIC PERIOD IN THE TRANS-URALS

¹ 2nd Category Engineer, Research Laboratory
of Archeology and Ethnography,
Institute of Social and Human Sciences,
University of Tyumen
n.y.suchilina@utmn.ru

² Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of Archeology,
History of the Ancient World and the Middle Ages,
Head of Research Laboratory of Archeology and Ethnography,
Institute of Social and Human Sciences, University of Tyumen
nataliamatveeva1703@yandex.ru

Abstract

This article describes the snake imagery in the indoor sculpture of the Trans-Urals in the context of the zoomorphic sculpture of the Eneolithic period. The authors introduce a new source — a clay weight with the image of a snake's head, discovered during excavations at the Gilyovo-2 monument in the Zavodoukovsky District of the Tyumen Region in 2017.

For a symbolic interpretation of the image, this study employs the data from ethnographic studies and from the ancient Finnish epic, with reference to similar artifacts from Central Asia, the north of Western Siberia, the Baltics, and Finland.

The authors suggest connecting the cult perception of the snake with the carriers of the Andreev culture, as evidenced by the remains of the corresponding ceramics and clay cigar-shaped weights, present on the territory of the sculpture detection. The proposed idea is that a snake imagery was used in commercial magic associated with fishing.

Keywords

Archeology, indoor sculpture, Eneolith period, sculpture, zoomorphic sculpture, snake imagery, Trans-Urals mythology, Andreev's culture.

Citation: Suchilina N. Yu., Matveeva N. P. 2018. "Snake's Imagery in Indoor Sculpture of the Eneolithic Period in the Trans-Urals". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 4, no 1, pp. 137-147.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-137-147

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-137-147

REFERENCES

1. Matveev A. V., Matveeva N. P., Panfilov A. N., Buslova M. A., Zakh V. A., Mogilnikov V. A. 1995. *Arkheologicheskoe nasledie Tyumenskoy oblasti* [Archaeological Heritage of the Tyumen Region]. Novosibirsk: Nauka.
2. Volkov E. N. 2009. "Glinyanye gruzila Tyumenskogo Pritobol'ya (eneolit i bronzovyy vek)" [Clay weights of the Tyumen Pritobolye (Eneolithic and Bronze Age)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no 10, pp. 4-11.
3. Golovnev A. V. 1995. *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: UrO RAN.
4. Zakh V. A., Usacheva I. V., Zimina O. Yu., Skochina S. N., Chikunova I. Yu. 2014. *Drevnosti Andreevskoy ozernoy sistemy* [Antiquities of the Andreev Lake System]. Novosibirsk: Nauka.
5. Zakh V. A. 2009. *Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya* [Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the Forest Tobol-Ishim Region]. Novosibirsk: Nauka.
6. Belskiy A. I. (trans.). 1956. *Kalevala*. Translated from Finnish. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
7. Kashina E. A. 2007. "Nabory lepnykh zoomorfnykh skul'ptur v neolite-eneolite lesnoy zony Vostochnoy Evropy i Finlyandii" [Sets of Stucco Zoomorphic Sculptures in the Neolite-Eneolithic Forest Zone of Eastern Europe And Finland]. In: *Mif, obryad i ritual'nyy predmet v drevnosti*, pp. 125-135. Yekaterinburg.
8. Kovaleva V. T., Arefyev V. A. 1993. "O semantike sosudov s rel'efnymi zoomorfnyimi izobrazheniyami" [On the Semantics of Vessels with Relief Zoomorphic Images]. *Voprosy arkheologii Urala*, no 21, pp. 107-119.
9. Kozhin P. M., Sarianidi V. I. 1968. "Zmeya v kul'tovoy simvolike anauskikh plemen" [Snake in the Cult Symbolism of the Anau Tribes]. In: *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sredney Azii*, pp. 35-40. Moscow: Nauka.
10. Mitina M. N. 2017. "Melkaya plastika v kontekste mirovoy khudozhestvennoy kul'tury: terminologicheskie osobennosti i rol' v iskusstve i zhizni cheloveka" [Fine Sculpture in the Context of World Art Culture: Terminological Features and Role in the Art and Human Life]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no 11 (85), pp. 118-121. Tambov: Gramota.
11. Morozov A. V. 2010. "Melkaya plastika epokhi neolita-eneolita na territorii Sibiri" [Fine Sculpture of the Neolithic-Eneolithic Period on the Territory of Siberia]. *Cand. Sci. (Hist.) diss.* Kemerovo.
12. Moshinskaya V. I. 1976. *Drevnee iskusstvo Urala i Zapadnoy Sibiri* [The Ancient Art of the Urals and Western Siberia]. Moscow: Nauka.
13. Noskova L. V., Shorin A. F. 2007. "Skul'pturnye zoomorfnye izobrazheniya na neoliticheskikh sosudakh Koksharovskogo kholma" [Sculptural Zoomorphic Images on the Neolithic Vessels of Koksharovsky Hill]. In: *Mif i simvol v proshlom i nastoyashchem*, pp. 22-27.

14. Panina S. N. 2011. "Rel'efnye i graficheskie izobrazheniya lichin pod venchikami sosudov epokhi neolita Ust'-vagil'skogo kholma" [Relief and Graphic Images of the Larvae under the Vials of the Vessels of the Neolithic Age of the Ust-Vagil Hill]. *Voprosy arkheologii Urala*, no 26, pp. 141-144.
15. Sarapulova N. G. 2004. "K voprosu o proiskhozhdenii andreevskoy kul'tury" [On the Origin of the Andreev Culture]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no 5, pp. 13-19.
16. Serikov Yu. B. 2007. "'Kul't golov' v obryadovoy praktike drevnego naseleniya Urala" ["Cult of the Heads" in the Ritual Practice of the Ancient Population of the Urals]. In: *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale*, no 5, pp. 38-51. Yekaterinburg.
17. Usacheva I. V. 1998. "K istokam mirovozzreniya drevnikh ural'tsev" [To the Origins of the Worldview of Ancient Urals]. In: *Ural'skiy arkheologicheskiy sbornik*, pp. 105-134.